

Поменяла весна времена и цвета –
молодая листва на просвет золота:
невесомую дымку едва окропил
осторожную прозеленью хлорофилл.

Да не долгую пору она молода,
а покуда черемуховые холода,
и ладони живой чешуи листовой
над землю древесною и кустовой
непрерывно сомкнутся ступенью
между яростным светом и тенью.

Ибо все в равномерном пути бытия
обращается снова на круги своя,
но – всегда в кулачке зажимая
лоскуток золотистого мая.

ОБЕД В ЯЛУТОРОВСКЕ

Не сквернословен и не лют
в рабочий день обыкновенный
несуетливый русский люд
в ялуторовской пельменной.
Благонадежный общепит
за обихоженным забором
предусмотрительно стоит
между острогом и собором,
и, повышая оборот
ему обедом непременно,
здесь туристический народ
мешается с аборигенным.

Приговоренный на расход,
при всякой новой перемене
он выживает – и живет,
ест рукодельные пельмени
и чертомелит свыше сил,
собору близок и острогу...

А я всего-то заходил
поесть на дальнюю дорогу.

Хождение по вода́м –
как будто по проводам:
лишь затвердевая льдом,
противятся посуху.
Но ежели по мосткам,
мореным тугим доска́м,
уложенным над песком –
воистину посуху.

Упрямоходящим приз –
пронзающий море пирс:
пожалуйста – обопришь
и переступи границу.
Хотя нетверда вода –
не запечатлит следа,
в том невелика беда –
на памяти сохранится...

Что утром на сквозняке
при чутошном поплавке,
с бельем ли, накоротке
сполоснутым в холодину,
да с цыпками на руке,
что в Сопоте-городке
или Санта-Монике –
смыкаются воедино.

И самый зыбучий пирсик
земной прибавляет пирсинг,
цепляя собой прибор,
как проволочной скобой...

Булавкою просквозит –
и мир переобразит
в диковинный композит,
слоеный и многоликий:
и местные исподтишка
поодаль от бережка
забрасывают на окушка
во Тихий или Великий.

И, может быть, у окна
пространства и времена
надежно еще одна
удерживает зацепка –
оправдана в языке,
по счастью, не в языке,
а в дочерином пупке
серебряная скрепка...

* * *

Когда Алма-Ату карагачи
сиюминутным золотом омыли,
мы яблоко с тобою преломили
душистое в густеющей ночи.
Глубинами осенней немоты
мы – прежние, но зрелости согласно
былого нет у яблока соблазна,
и нет Алма-Аты – есть Алматы.

Как под напором селевой воды,
что движется безмолвно и уперто,
не только легендарного апорта
не уцелели многие сады.
Но снова темнота и немота
года переступают осторожно,
когда все было ясно и возможно –
лишь легкая оскомина во рту...

* * *

В золотом жерновке на руке перемелется жизнь, не хрустя, –
прохлаждаться не надо, да незачем и в огород торопиться...
Плоть от жилистой плоти устроивших город железа живучих крестьян,
временами отец говорил нам: учите язык – пригодится.

Что он знал о Востоке и Западе, дальше Болгарии не побывав,
сыновьям на дорогу какие задумывал верные метки?
В родовом почитании отчества или на собственный разум и нрав
я по юности ранней довольно умел по-немецки.

Но живая вода выгибает и сносит затворы лежачих плотин,
глину лижет и камень грызет после вешней оттайки...
Обе дочери знают английский, а младшая – греческий и латынь,
а учить, получается, следовало китайский.

Да не время метаться, и некуда, и не к лицу,
словно юркие стайки у края земли начинающих рыбок...
И всего-то вдогонку могу я сегодня ответить отцу,
что по-русски пишу, говорю и читаю почти без ошибок.

* * *

Не своди устало рот –
губы алы не губи.
Из сиреневых ворот
вылетают голуби.
Под остриженным кустом
своды выгнуты мостом –
ветки переплетены
зелены...

Там на стороне иной
за сиреновой стеной
семечки для голубей
или небо голубей –
в полный рост не увидеть.
Видно, надо приседать,
словно к нижней форточке,
на корточки.

Видно, надо рисковать,
чтобы тело расковать
или сердце – начали!
Да иначе ли?

* * *

Был – имя рек, а станешь – имярек,
в летучий снег войдя летучим пеплом...
Двадцатый год добил двадцатый век –
остались те, кто выжил в двадцать первом.

Носители ославленных идей,
любители блуждающих огней,
хранители целительного слова,
упертые ценители теней
и облаков небесного улова,
спасатели ветшающих корней –
но и оберегатели живого...

Пока растет – мы не наперечет,
хоть и по нашей очереди тоже
часы, как счетчик Гейгера, стучат,
частицы жизни малые итожа.

* * *

We all live in a yellow submarine...

Beatles

Трудоспособностью тела себя не тешь –
здесь и умы к старью, если в ином строю...
Я никому больше не подаю надежд –
только сигналы неслышимые подаю.
Если, не приведи, забарахлит сонар,
можно не уберечься и ниже дна залечь
метра на полтора – полный покой, so nice...
Вот, погляди – уже забарахлила речь.

По- или доживать на миру – Бог весть:
дорого в городе – можешь пойти в тайгу...
Как там дела на суше – живые есть?
К Джону ли Коннору, маршалу ли Шойгу
из водяной дозваниваться до земной?
От полюсов до жилых еще поясов
вымести напрочь, а после, как новый Ной,
наштамповать лопат из титановых корпусов?..

Коль под водой – не ной. Береги семью –
кто из детей, быть может, уловит суть...
Я никому надежды не продаю –
так отдаю. Осталось еще чуть-чуть.

* * *

Простором досыта наполнись,
пока наверняка века
перемолачивает поезд
глубинами материка,
где под корнями ходит море,
и орошается земля
на придорожном косогоре
фонтанчиками ковыля,
и, как процеженная ситом
через кедровые тела,
степь, рассеченная Транссибом,
голубовата избела.

* * *

Ты любишь гулять под дождем,
а я под дырявою сенью
на суше стоять пригвожден
ликующим ливнем весенним.

Гремящий летит водопад
на яблони майского сада
как предупреждение: брат,
не переходи водопада.

Небесной воды не мути,
завесы прозрачной не трогай –
дай девочке этой пройти
ее дождевою дорогой...

* * *

В жизни много всякой хрени,
но случается сюжет:
за окном – разрыв сирени
цветом в яблоневый цвет.

И сюжета в общем нету –
салютует добела
то ли деду за Победу,
то ли будущему лету
и тому, что дожила.

И ликующей Отчизне,
и таящейся – Бог весть...
Или просто цельной жизни
на сто лиц – какая есть.